

Глава 1

Эмили прижалась к маме и осторожно её обняла, стараясь не опрокинуть открытую банку с патокой, которую она собиралась добавить в тесто для овсяного печенья.

— Мне очень нравится, — задумчиво проговорила она, глядя на образец ткани, который мама держала в руках: го-

лубой шёлк, расписанный мелкими птичками и цветами.

— Больше, чем красный? — Мама встряхнула красный лоскут, и крылья ярко-оранжевых бабочек затрепетали на ткани. Искрящийся шёлк был лишь чуточку ярче маминых рыжих волос.

Эмили моргнула. Ей показалось, что одна бабочка вспорхнула с ткани и полетела к распахнутому окну. Девочка на секунду зажмурилась. Наверное, солнце светило в окно слишком ярко, вот ей и почудилось...

— Да, голубой красивее. Это для платья? Для новой коллекции?

— Да, мы уже готовим летнюю коллекцию на следующий год. Думаю, эта материя пойдёт на юбку, — сказала мама. — Длинную юбку с блестящими бусинами на цветах. Их придётся пришивать вручную. Вещь получится дорогая. — Она вышла из кухни, сама похожая на яркую бабочку с крыльями из мягкой блестящей ткани, струящейся у неё по плечам.

Эмили рассмеялась. Когда мама придумывала новые наряды, временами она забывала обо всём на свете. Даже о том, что детей надо кормить. Но зато она делала очень красивые вещи, и не только для магазина, но и для Эмили и для

её старших сестёр. Ради такой красоты можно было самим приготовить себе обед или ужин.

К прошлому дню рождения мама сделала Эмили шляпку в виде торта в розовой глазури, украшенного сахарными цветами. Эмили обожала печь такие торты. Шляпка стала её любимой, и она носила её не снимая. Но сейчас было жарко для шляпок. Эмили высунулась в окно, чтобы чуть-чуть подышать. С включённой духовкой в кухне настоящее пекло. Но оно того стоит, подумала Эмили. Овсяное печенье — один из лучших её рецептов. Ей нравилось наблюдать, как

лужицы полужидкого теста на противне словно по волшебству в горячей духовке превращались в пышные лепёшки.

— Эмили! — позвала её Юла из сада. — Эми! Ты выйдешь на улицу? Ты там растаешь, в этой кухне!

— Сейчас иду! — крикнула Эмили в ответ. — Только поставлю печенье в духовку!

— Кто включает духовку в такую жару?! Ты сумасшедшая, Эми! Нет, правда, я иногда за тебя беспокоюсь! — крикнула снизу Лори. — Пойдём гулять!

— Сейчас приду! — повторила Эмили. — И вы же сами потом всё съедите!

Она разложила тесто на противне и сморщила нос, глядя на гору грязной посуды в раковине. Ничего, она вымоет всё потом. Никто не заметит. Мама, судя по всему, просидит у себя в мастерской до вечера, а папа работает в кабинете под лестницей — он пишет книги. Он сочинял жутковатые фантастические истории о волшебной стране и был довольно известным писателем. Свои книги он подписывал полным именем: «Пепелофт Пероу» — а не просто «Пепел», как его звали друзья и знакомые. Папа даже не вышел к обеду. Утром, за завтраком, он сердито объявил, что книга застопорилась,

и заставил Эмили придумывать идеи для самых страшных чудовищ, пока она пыталась съесть гренок с вареньем. Гренок она, конечно, доела, но без аппетита.

Эмили выглянула в окно, прищурилась от яркого солнца и решила собрать волосы в хвостик. Слишком жарко ходить с распущенными волосами. Она подошла к деревянному комоду, на котором стояла большая глиняная кружка с резинками для волос и разноцветными лентами. Чтобы добраться до кружки, пришлось сдвинуть кипу журналов Юлы и Лори, и под журналами обнаружилась фотография. Эмили

поставила её на полочку над комодом. Это была её любимая фотография. Редкий снимок, на котором присутствовали все четверо детей. Они сидели на старом диване в гостиной. Фотографию сделали, когда Стриж был совсем маленьким, но уже без младенческих круглых щёк и тонких светлых кудряшек. Когда ему исполнился год, его волосы потемнели и стали рыжими и уже потихоньку начал проявляться его характерный заострённый подбородок. Странная фотография, на самом деле. Совсем не похожая на обычный семейный портрет. Юла и Лори сидели серьёзные, Стриж тарацился

в объектив, широко распахнув глаза. Только Эмили улыбалась, сидя между Юлой и Лори: черноглазая, темноволосая, с золотистым загаром пятилетняя Эмили, держащая на коленях Стрижа.

Фотография, вставленная в украшенную ракушками рамку, всегда «жила» на комодe, хотя обычно её было не разглядеть под завалом других вещей. Образцы тканей, россыпи бусин. Листочки с домашним заданием. Собачья расчёска. Рукописные отрывки из папиной последней книги, разрисованные каракулями и часто разорванные на кусочки. Вазы с вянувшими цветами, которые Юла

и Лори приносили из сада. Но иногда, когда комод приводили в порядок — обычно только в те дни, когда у мамы не было вдохновения и она уныло слонялась по дому, пытаясь придумать, чем бы заняться, — фотография была видна.

— Почему Стриж, Юла и Лори похожи, а я совершенно на них не похожа? — однажды спросила Эмили у мамы, взяв фотографию в руки и проведя пальцем по пыльным ракушкам.

Мама резко остановилась в дверях мастерской, посмотрела на Эмили, широко распахнув серо-голубые глаза, а потом улыбнулась.

— Так часто бывает, Эмили, птенчик. Наверное, ты просто похожа на кого-то из нашей другой родни. Как светлые волосы Лори, — сказала она. — Таких волос нет больше ни у кого. Мы все разные.

Только они никакие не разные на самом деле. Да, у Лори светлые волосы, но лицом она очень похожа на папу. Эмили вдруг поняла, что её папа с мамой тоже очень похожи. Она вытерла пальцем потёки патоки на стенках миски, где было тесто, задумчиво облизала его и пошла в сад. Да, они все похожи, и только она не похожа ни на кого. Мама сказала — на кого-то из дру-

гой родни. Вот бы узнать на кого.

Сад рядом с домом Эмили был странный — по размерам такой же, как все остальные сады на их улице, но почему-то казался больше, тише и уединённой. Наверное, из-за того, что его обрамляли деревья. В таком саду не поиграешь в футбол и другие подвижные игры, для которых нужен газон, потому что газона там не было. Но зато были тенистые зелёные тоннели, и потайные ходы, и искривлённые старые деревья. Отличное место, чтобы играть в прятки.

Эмили вышла на заднее крыльцо и неуверенно остановилась, не зная, где искать

Юлу и Лори. Отсюда она их не видела, хотя слышала их голоса: звонкий смех, приглушённый шёпот, шелест страниц и снова взрыв смеха.

— Юла! Лори! — позвала Эмили и пошла по кирпичной дорожке в глубь сада. Солнце слепило глаза, их приходилось прикрывать ладонью. Эмили направилась в тень под боярышником на краю сада. Где прячутся сёстры?

Она вдруг очень ясно услышала их голоса, похожие на перезвон крошечных колокольчиков или на щебет птиц, сидящих высоко на ветке.

Эмили растерянно огляделась. Солнце светило так ярко,

что глазам было больно. Девочка моргнула, и среди теней от листьев замерцал свет. Запрокинув голову, Эмили шагнула под дерево, споткнулась и чуть не упала.

— Эмили, что ты делаешь? — рассмеялась одна из сестёр. Тонкие пальцы поймали руку Эмили и увлекли её вниз, на ковёр, расстеленный на траве. Ворчун, их большой чёрный пёс, открыл один глаз — посмотреть, кто пришёл, — тихо рыкнул и снова заснул.

— Ты чуть не упала, — сказала Юла, приобняв Эмили за плечи и встревоженно глядя ей в глаза. — С тобой всё хорошо? Ты какая-то вялая.

— Всё хорошо. — Эмили растянулась на ковре рядом с сёстрами и заглянула в их раскрытый журнал. — Похоже, вы были правы. Там внутри настоящее пекло. Здесь, на улице, лучше.

— Ты могла бы принести нам попить, Эми, — попеняла ей Лори.

Эмили закатила глаза, но ничего не сказала. Лори любила командовать. С Юлой было намного проще, но теперь, когда сёстрам исполнилось тринадцать, они вдруг стали такими взрослыми... гораздо взрослее, чем ещё пару недель назад. Такие взрослые девочки вряд ли всё время станут возить-

ся с мелкой десятилетней сестрёнкой.

Спорить с Лори и Юлой бесполезно. Они всегда выступают в паре, и победить их невозможно при всём желании. Сейчас они обе уставились на неё, прижавшись друг к другу щеками и улыбаясь. Одна и та же улыбка, хотя Юла и Лора не близнецы, а двойняшки, и на первый взгляд даже не очень-то и похожи. У Юлы волосы каштановые с черными прядями, у Лори — светлые золотистые. И глаза у них тоже разные: у Юлы гораздо темнее. Но сейчас было видно, что они сёстры, и никак иначе.

Эмили намотала на палец прядь своих тёмных кудрявых волос и заглянула в журнал. У девушки на фотографии были точно такие же тёмные кудрявые волосы, повязанные очень красивым шарфом. Эмили захотелось себе такой же.

— Вы не собираетесь в магазин? — с надеждой спросила она у Юлы. — Можно мне с вами?

Юла с Лори задумчиво переглянулись, и Юла сказала:

— Может быть...

— Что значит «нет», — раздался голос откуда-то сверху, и все три девочки взвизгнули от неожиданности. Лори швырнула журнал в рыжеволосого

мальчишку, который сидел на дереве прямо над ними.

— Ты за нами шпионил?!

— Немножко, — со смехом ответил Стриж. Он перевернулся и повис вниз головой, зацепившись за ветку коленями. Эмили вздрогнула:

— Не надо! Ты упадёшь!

— Не упаду... — Стриж оттолкнулся от ствола и стал раскачиваться на ветке. — Я никогда не падаю, — самодовольно добавил он. — Если сам не хочу. — Он схватился за тонкую ветку чуть ниже, перевернулся и спрыгнул вниз, сбив ногой журнал Лори, застрявший в густой листве. — Ура! Попал! — Журнал упал на

траву, а следом за ним шлёпнулся Стриж, прямо на колени к Юле и Лори. Он смеялся, как будто всё это было ужасно весело.

Эмили уставилась на брата. На него она тоже совсем не похожа. У него ярко-рыжие волосы, как у Евы, их мамы, светлые серо-голубые глаза и точно такая же бледная кожа и заострённый подбородок, как у Юлы и Лори. Стриж хохотал и пытался вырваться от Юлы, которая его щекотала, и Эмили были видны его ровные белые зубы.

Она подтянула колени к груди и обхватила их двумя руками, рассеянно наблюдая, как сёстры

дурачатся с братом. А потом что-то упало ей на голову. Эмили завизжала, и Стриж отскочил от неё, хохоча во всё горло.

— Будешь знать, как витать в облаках! — выдавил он сквозь смех.

— Что это? Что там? — Эмили бешено затрясла головой и принялась бить себя по волосам. — Ты посадил на меня паука? Я тебя придушу, Стриж Пероу!

— Это всего лишь гусеница... — успокоила её Юла, вытаскивая что-то зелёное из её кудряшек. Она знала, как сильно Эмили ненавидела пауков.

— Нет, не гусеница. — Стриж закатил глаза. — Она так боит-

ся всего, что ползает, что я не стал бы сажать на неё даже гусеницу. Это просто листок.

— Да, — кивнула Юла. — Видишь, Эмили? Ничего страшного.

Эмили по-прежнему перебирала волосы пальцами. На всякий случай. Но ей стало лучше — теперь, когда Стриж над ней подшутил. Как и положено несносному младшему брату. Просто ей в голову лезут всякие глупости.

Конечно, она не чужая в своей семье.

Глава 2

После уроков Эмили и её лучшая подруга Рейчел, как всегда, вместе пошли домой. Обе девочки жили неподалёку от школы и почти по соседству друг с другом. Они учились уже в пятом классе, и теперь им разрешали ходить из школы одним, хотя, конечно, Эмили приходилось присма-

тривать за Стрижом. Сейчас он убежал далеко вперёд, чтобы потом выскочить им навстречу и заорать дурным голосом. Сегодня он был в настроении побеситься. Иногда по дороге домой они встречали Юлу и Лори — их средняя школа была ближе к дому, чем начальная школа, где учились Эмили и Стриж.

— Я так рада, что ты зайдёшь в гости, — сказала Эмили. — А то я уже по тебе соскучилась, а в школе особо и не общаешься.

Рейчел вздохнула:

— Я тоже соскучилась. До сих пор с ужасом вспоминаю этот экзамен по танцам на все

выходные. И у меня до сих пор болят волосы. Пришлось собирать их в пучок на весь день. Два дня подряд.

— Да, невесело. Но теперь всё уже позади. У нас есть торт, он тебя развеселит. И вчера я испекла овсяное печенье. Только сразу предупреждаю, чтобы ты не пугалась: у нас дома развал. Мама с папой работали все выходные, и уборкой никто не занимался. Вчера вечером мы с Юлой, Лори и Стрижом смотрели кино, и Стриж опрокинул миску с попкорном. Наверное, он там так и лежит. Хотя, может быть, папа подмёл. Если закончил главу, на которой застопо-

рился вчера. Не знаю, я утром не заходила в гостиную.

— Ты такая везучая, — вздохнула Рейчел, и Эмили удивлённо уставилась на подругу. Рейчел была единственным ребёнком у мамы с папой, и хотя они развелись, дочку оба любили без памяти. В маминой квартире у неё была своя комната — очень большая и очень красивая, — а папа частенько брал Рейчел в поездки по интересным местам. Рейчел ни в чём не знала отказа, у неё было всё, о чём только можно мечтать. Иногда Эмили думала, как было бы здорово, если бы она тоже была единственной

у мамы с папой и всё их внимание доставалось бы только ей. Хотя эти мысли посещали её не часто. Она любила своих сумасбродных и шумных сестёр, а Стриж частенько её смешил.

— Да, ты везучая! Вот у меня нет сестёр, и мне не с кем смотреть кино. — Рейчел придвинулась ближе и прошептала: — Я бы не отказалась и от младшего брата. Даже такого, как Стриж. — Она рассмеялась, поймав недоверчивый взгляд Эмили. — Ну чтобы хоть кто-то был рядом! А то приходится каждый вечер в одиночестве пялиться в телевизор. Мама так много работает.

— Да, наверное, — неуверенно проговорила Эмили. Ей не хотелось слишком настойчиво соглашаться, чтобы Рейчел не огорчилась ещё сильнее. Раньше она не задумывалась об этом, но, хотя ей очень нравилась комната Рейчел, она бы, наверное, взбесилась, если бы ей пришлось целыми днями сидеть одной в этой роскошной квартире, где царил идеальный порядок. (Мама Рейчел наняла уборщицу, которая приходила два раза в неделю и убиралась во всей квартире, даже в комнате Рейчел.) Там было уютно и очень красиво, но каждый раз, когда Эмили ночевала в гостях у Рейчел,

она боялась оставить после себя беспорядок: на безукоризненно чистом кремово-белом ковре в комнате Рейчел фантики от конфет смотрелись значительно хуже, чем на скрипучем дощатом полу в комнате Эмили у неё дома. Она обняла Рейчел за плечи. — Зато старшие сёстры тебя не дразнят. И вчера Стриж притворился, что бросил мне на голову паука. Я так разозлилась...

— Да уж, — вздрогнула Рейчел. А потом вдруг спросила: — Слушай, а есть птица эмили?

Эмили удивлённо уставилась на неё. Это был странный вопрос, неожиданный.

— В каком смысле птица?

— Ну, как воробей, голубь, ласточка. Вот я и спрашиваю, есть ли Эмили.

— Нет... кажется, нет. А что?

— Ну, я просто подумала, может быть, у вас у всех птичьи имена. Стриж — это сразу понятно. Юла — лесной жаворонок, мы его проходили на природоведении. И лори, по-моему, тоже птица. Какой-то тропический попугай. У моего дедушки был попугай. Кажется, как раз лори.

— Гм... — Эмили нахмурилась. Это была странная мысль. — По-моему, «Эмили» вообще ничего не значит. Я однажды спросила у мамы, и она мне сказала, что это просто латинское имя.

— Ясно. — Рейчел вздохнула. — Но это, наверное, и хорошо. Если тебе дали имя, которое что-то значит, тебе придётся ему соответствовать, да? Знаешь, что значит «Рейчел»?

Эмили покачала головой:

— Вроде бы это «Рахиль»? Кто-то из Библии?

— Вообще это значит «овца». Представляешь, меня называли овцой!

— И никакой не овцой, — хихикнула Эмили.

— Ещё какой. Я смотрела в словаре имён. — Рейчел с отвращением тряхнула головой. — Я думаю, на самом деле мама не знала. Просто назвала меня в честь

бабушки. Но могла бы сначала проверить, а потом называть, да? И никому не рассказывай!

Эмили покачала головой, продолжая хихикать:

— Никому! Честное слово!

— Ну что? Вы идёте? — Стриж подбежал к ним и встал рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Я хочу домой, а без вас мне нельзя переходить дорогу.

Эмили вопросительно посмотрела на Рейчел, и та пожала плечами:

— Да. Может быть, я обошлась бы без младшего брата. Может быть, я завидую только из-за сестёр.

Они уже подходили к дому Эмили, и после разговора с Рейчел Эмили присмотрелась к нему внимательнее. Обычно она не задумывалась о том, как их дом выглядит со стороны, — это был просто дом, дом на углу. Старый, немного запущенный, окружённый тенистым садом. Эмили прожила в этом доме всю жизнь и привыкла к нему.

Ворота скрипнули, когда их открыли. Эмили не смогла вспомнить, всегда ли они скрипят. Но звук ей понравился: дружелюбный, приятный. Сад перед домом был крошеч-